

Стивен Кинг

Глаза дракона

«АСТ»

1984

Кинг С.

Глаза дракона / С. Кинг — «АСТ», 1984

Однажды в королевство пришел ужас... В королевство, где рвется к трону медленно теряющий рассудок принц... В королевство, где поселился могущественный черный маг – сын Тьмы, посланник самого Сатаны... В королевство, где в каменной башне томится законный наследник трона, обреченный на мучительную гибель... В королевство, над которым постепенно собираются черные тучи воплощенного Зла...

© Кинг С., 1984

© АСТ, 1984

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	9
5	11
6	12
7	15
8	17
9	19
10	20
11	21
12	22
13	24
14	26
15	29
16	30
17	32
18	34
19	35
20	37
21	38
22	40
23	41
24	42
25	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Стивен Кинг

Глаза дракона

Моему большому другу

Бену Страубу

и моей дочери

Наоми Кинг.

1

Давным-давно в королевстве, называемом Делейн, жил король, и было у него два сына. Делейн был очень древним королевством, и там правили сотни королей, а может, и тысячи; самых первых не могли припомнить даже историки. Роланд Добрый был не лучшим и не худшим из тех, кто управлял страной. Он всегда пытался не причинять никому слишком большого зла и преуспел в этом. Еще он пытался вершить великие дела, но в этом, к сожалению, не преуспел. В результате получился весьма посредственный король; он и сам сомневался, вспомнит ли о нем кто-нибудь спустя несколько лет после его смерти. А до смерти оставалось не так уж долго, ведь он был стар и сердце у него пошаливало. Может быть, ему оставался год, может быть, три. Все, кто видел его серое лицо и дрожащие руки, считали, что самое большее лет через пять на большой площади у подножия Иглы объявят имя нового короля... если, конечно, Бог даст Роланду эти пять лет. И все в королевстве, от богатейших баронов и пышно разодетых придворных до самого бедного холопа и его оборванной жены, думали и толковали о будущем короле – Питере, старшем сыне Роланда.

И лишь один человек думал о другом: как сделать королем младшего сына Роланда, Томаса. Этим человеком был Флегг, королевский чародей.

2

Хотя король Роланд был стар – считалось, что ему семьдесят, но выглядел он куда старше, – у него были молодые сыновья. Он долго не женился потому, что не мог встретить женщину своей мечты, и еще потому, что его мать, великая вдовствующая королева Делейна, казалась бессмертной и ему, и всем в королевстве. Она правила уже пятьдесят лет, когда однажды утром, за чаем, положила в рот ломтик лимона, чтобы унять кашель, мучивший ее целую неделю. И как раз на то чаепитие для увеселения королевы и ее двора был приглашен знаменитый жонглер, который жонглировал пятью хрустальными шарами. Но как только королева положила в рот лимон, жонглер уронил один шар, и тот с громким звоном разбился о пол большого Восточного зала. От неожиданности королева проглотила лимонную дольку, подавилась и тут же умерла. Уже через четыре дня на Площади Иглы состоялась коронация Роланда. Жонглер ее не видел; ему еще за три дня до того отрубили голову на плахе неподалеку от Иглы.

Король без наследников не радует никого, особенно если он стар и лыс. Роланду было необходимо как можно скорее жениться и произвести наследника. Его ближайший советник Флегг все время твердил ему об этом. Он также говорил, что после пятидесяти шансы мужчины сделать ребенка невелики и будут с каждым годом уменьшаться, и уговаривал короля поскорее найти жену, а не дожидаться женщины его мечты. Если уж она не появилась до пятидесяти лет, говорил Флегг, то скорее всего не появится уже никогда.

Роланд согласился с этим. Он не подозревал, что Флегг, чьи гладкие волосы и бледное лицо почти всегда были скрыты под капюшоном, знает его главную тайну: он никогда не встретил бы женщину своей мечты потому, что никогда и не мечтал о женщинах. По правде говоря, он их боялся. И никогда не мечтал о том занятии, от которого бывают дети, – его он боялся тоже.

Но он понял, что чародей прав, и через шесть месяцев после похорон вдовствующей королевы в королевстве случилось событие куда более радостное – король Роланд женился на Саше, которая потом стала матерью Питера и Томаса.

Роланда в Делейне не очень любили, но и не сказать, чтоб ненавидели. Сашу же любили все. Когда она умерла, рожая второго сына, королевство погрузилось в глубокий траур, продолжавшийся год и еще день. Она была одной из шестерых девушек, которых Флегг предложил на выбор королю. Все они были одного возраста и положения; все из благородных семей, но не королевской крови; все красивы, добры и кротки. Флегга больше всего заботило то, чтобы никто из них не смог в будущем потеснить его с места королевского советника. Роланд выбрал Сашу потому, что она показалась ему самой доброй и кроткой из шестерых и меньше других пугала его. Так они поженились. Саше из Западного бароната (очень маленького) было тогда семнадцать, на тридцать три года меньше, чем ее мужу. До брачной ночи она никогда не видела мужчину без одежды. Когда это случилось, она спросила с интересом, глядя на его восставшую плоть:

– Что это, мой супруг?

Если бы она спросила что-нибудь другое или задала свой вопрос другим тоном, события той ночи, как и вся наша история, могли обернуться иначе; несмотря на специальное питье, которое Флегг дал ему часом раньше, Роланд мог просто сбежать. Но в тот момент он увидел ее такой, какой она и была – молодой девушкой, еще меньше его знавшей о том, как делаются дети, – и увидел, как она хороша, и полюбил ее, как потом ее полюбил весь Делейн.

– Это Королевская Сталь, – ответил он.

– Оно не похоже на сталь, – с сомнением проговорила Саша.

– Его надо закалить, – сказал он.

– И где же это сделать? – спросила она.

– Если ты доверишься мне, – сказал Роланд, ложась к ней, – я покажу тебе, где его закалать, ибо ты принесла это с собой, сама того не зная.

3

Люди Делейна любили ее за доброту. Ведь это королева Саша основала Великую Лечебницу. Королева Саша так плакала, увидев медвежью травлю на Площади, что король Роланд запретил эту жестокую потеху. Королева Саша вымолила у короля отмену налогов в год большой засухи, когда пожелтели даже листья Великого Древнего Дуба. Был ли Флегг недоволен этим, спросите вы? Сначала не слишком. Ему это казалось мелочами, ведь он был настоящим чародеем и жил многие сотни лет.

Он позволил даже отменить налоги, поскольку годом раньше флот Делейна разгромил андуанских пиратов, которые больше ста лет разоряли южный берег. Череп пиратского короля еще долго скалился с пистолета на дворцовой стене, а сокровищница королевства пополнилась богатствами, отбитыми в бою. К тому же Флегг оставался ближайшим советником короля Роланда, а это для него было самым главным.

4

Хотя Роланд и полюбил свою жену, он так и не полюбил то занятие, которое так нравится большинству мужчин и от которого появляются на свет и последний поваренок, и наследник королевского трона. Они с Сашей спали в разных спальнях, и он посещал ее не часто – раз шесть-семь в год. Да и в эти разы Королевская Сталь не требовала закалки, несмотря на все более сильные зелья, которые давал королю Флегг.

Но через четыре года брака все же появился Питер. И в ту ночь Роланду даже не понадобилось питье Флегга – зеленое, пенистое и оставлявшее в голове короля странное ощущение, будто он сходит с ума. В тот день он с дюжиной своих людей охотился в Королевском заповеднике. Охоту Роланд любил больше всего – запах леса, трубный звук рога и дрожание тетивы, когда она отпускает летящую точно в цель стрелу. Порох в Делейне был редкостью, и охота с железной трубкой считалась низким занятием.

Саша читала в постели, когда он вошел. Его грубое бородатое лицо сияло. Она отложила книгу и терпеливо выслушала историю, которую он ей рассказал, размахивая руками. Когда в конце он показал, как поднял лук и пустил Грозу Врагов, великую стрелу своего отца, она засмеялась, и захлопала в ладоши, и окончательно покорила его сердце.

Королевский заповедник был уже не тот. Во времена короля Роланда там редко удавалось загнать стоящего оленя, а уж драконов не видели с незапамятных времен. Большинство людей посмеялись бы, если бы им сказали, что в этом хорошо знакомом им лесу еще водятся мифические создания. Но в тот предзакатный час, когда Роланд и его свита уже собирались возвращаться...

Дракон с треском выбрался из подлеска. Его медно-зеленая чешуя тускло отсвечивала в последних лучах солнца; опаленные ноздри выпускали струйки дыма. Дракон был уже немолод, в возрасте первой линьки. Увидев его, охотники застыли, как громом пораженные, не в силах поднять лук и даже просто пошевелиться.

Он смотрел на них, его обычно зеленые глаза пожелтели, а огромные крылья мерно трепетали. Он не мог улететь – крылья еще не выросли в полную силу, до этого ему оставалось по меньшей мере пятьдесят лет и две линьки, – но даже от этого трепета передний всадник вылетел из седла и шлепнулся на траву, выронив рог.

Роланд единственный не поддался общему оцепенению и, хотя он из скромности не сказал этого Саше, проявил в следующие несколько мгновений настоящий героизм. Если бы не его быстрая реакция, дракон мог бы зажарить весь их отряд живьем. Он направил стрелу и отпустил тетиву. Стрела угодила прямо в цель – в то мягкое, похожее на жабры место под глоткой дракона, куда поступает воздух, раздувающий огонь. Ящер рухнул замертво, испустив последний тяжкий выдох, опаливший все кусты вокруг. Охотники быстро погасили пламя – кто водой, кто пивом, а многие собственной мочой, которая тоже по большей части была пивом, потому что, когда Роланд выезжал на охоту, он брал с собой много пива и не жалел его.

Огонь погасили за пять минут, а дракон издох за пятнадцать. В это время у его ноздрей еще можно было вскипятить чайник. Потом ему взрезали грудь и торжественно поднесли Роланду дрожащее девятикамерное сердце. Он съел его сырым, как было положено, и нашел довольно вкусным. Он жалел лишь о том, что второго ему уже никогда не удастся отведать.

Может, это драконье сердце сделало его таким сильным в ту ночь. А может, просто радость и сознание, что он проявил отвагу и хладнокровие, когда остальные застыли в седлах (конечно, кроме переднего всадника, который застыл на земле). Во всяком случае, когда Саша всплеснула руками и воскликнула:

– Как здорово, мой храбрый король! – Он, не колеблясь, лег к ней, и она встретила мужа улыбкой; в ее широко раскрытых глазах сияла его победа. В ту ночь он первый и единственный

раз в полной мере наслаждался объятиями своей жены. Девять месяцев спустя – по одному на каждую камеру драконьего сердца – на той же кровати родился Питер, и все вздохнули с облегчением. Теперь у короля был наследник.

5

Может быть, вы думаете – если вы вообще об этом думаете, – что король после рождения Питера перестал принимать зелье, которое давал ему Флегг? Вовсе нет. Иногда он пил его, потому что любил Сашу и хотел доставить ей удовольствие. Кое-где считается, что секс нравится лишь мужчинам, а женщины только и мечтают, чтобы их оставили в покое. Но в Делейне люди знали: и женщины получают удовольствие от утех, благодаря которым на свет появляются дети. Роланд знал, что доставляет жене мало таких радостей, но старался, как мог, и поэтому пил зелье Флегга. Только чародей знал, как редко король посещает постель королевы.

Через четыре года после рождения Питера, под Новый год, на Делейн обрушилась снежная буря, самая сильная из всех известных, кроме одной, – о той я расскажу вам после.

Повинуясь внезапному чувству, которое он сам не мог объяснить, Флегг в тот вечер дал королю питье двойной крепости – может, что-то в воздухе и в вое ветра побудило его сделать это. В обычное время Роланд мог бы скривиться и отставить стакан прочь, но бушевавшая за окном буря сделала новогодний пир еще более веселым, и король много выпил. Пляшущий огонь в камине напомнил ему дыхание дракона, и он поднял стакан, чокаясь с драконьей головой, висевшей на стене. Потом он одним глотком проглотил зеленую жидкость, и в нем зажглась злая похоть. В ту ночь он, хоть и любил Сашу, сделал ей больно.

– Прошу тебя, мой король! – умоляла она, рыдая.

– Прости, – пробормотал он и захрапел.

Он уснул рядом с ней тяжелым сном и не мог проснуться двадцать часов. Она не могла забыть странный запах у него изо рта той ночью. Пахло чем-то гнилым; пахло смертью. Она думала, что он такого съел... или выпил?

Роланд никогда больше не прикасался к зелью Флегга, но чародей был доволен. Через девять месяцев Саша родила Томаса, своего второго сына. При родах она умерла. Все в Делейне жалели ее, но никто особенно не удивлялся – ведь такие вещи случаются. Но никто не знал, что произошло на самом деле, – никто, кроме Анны Криволицей, повитухи, и Флегга, королевского чародея. Так уж случилось, что терпение Флегга иссякло.

6

Питеру было только пять лет, когда умерла его мать, но он хорошо помнил ее. Помнил доброй, любящей, полной ласки. Но пять лет – не так много, и большинство воспоминаний было не очень четким. Хорошо он помнил лишь одно: как мать сделала ему внушение. Он помнил об этом много лет спустя. Внушение касалось салфетки.

Каждый год при дворе устраивали пир, чтобы отметить начало весеннего сева. Когда Питеру исполнилось пять, его впервые позвали на этот пир. Обычай требовал, чтобы Роланд сидел во главе стола, наследник – по правую его руку, а королева – напротив. Из-за этого она не могла подойти к Питеру, и ей оставалось только следить за тем, как он себя ведет. Ей хотелось, чтобы ее сын выглядел прилично, и она знала, что во время пира это зависит только от него, так как его отец не имел никакого понятия о приличиях.

Может быть, вы спросите: почему Саша так беспокоилась о манерах Питера? Разве у него не было гувернантки? (Было целых две.) Разве не существовало слуг, специально приставленных к юному принцу? (Их был легион.) Но она хотела держать всех этих людей подальше и воспитывать сына сама. Она очень любила его и не желала ни в чем стеснять, но понимала, какая ответственность за него лежит на ней. Когда-нибудь этот мальчик станет королем, и Саша хотела, чтобы он был хорошим королем.

Большие пиры в дворцовом зале не отличались изяществом манер, и большинство воспитателей даже не думали учить мальчика, как вести себя за столом. *Он же будет королем!* – сказали бы они, если бы им вдруг предложили заняться этим. *Кто скажет хоть слово, если он опрокинет соусник или вытерет руки о платье? Разве в прежние времена король Алан не блевал в свою тарелку и не приказывал своему шуту подойти и отведать этого «горячего супа»? Разве король Джон не откусывал головы живым форелям и не засовывал потом их еще трепещущие тела в вырез платья фрейлинам? Разве до сих пор каждый пир не заканчивается тем, что гости бросают друг в друга остатками пищи?*

Так оно и было, но Сашу это не успокаивало. Она считала, что *кто скажет хоть слово* – самая вредная идея, какую может усвоить мальчик, собирающийся стать королем. Поэтому она терпеливо учила сына манерам и внимательно следила за его поведением на пиру. И после, когда он уже ложился спать, пришла к нему.

Она была хорошей матерью и сначала похвалила его поведение – и действительно, оно было почти образцовым. Но она знала, что никто, кроме нее, не поправит его, пока он еще боготворит ее. Поэтому сказала:

– Ты делал одну вещь неправильно, Пит, и я не хочу, чтобы ты вел себя так.

Питер лежал в постели и внимательно смотрел на нее своими синими глазами:

– Ты о чем, мама?

– Ты не пользовался салфеткой, – сказала Саша. – Она лежала сложенной возле твоей тарелки, и мне это не понравилось. Ты ел цыпленка руками, и это правильно, потому что так делают все мужчины. Но потом ты вытер руки о рубашку, и это было уже неправильно.

– Но папа... и Флегг... и все лорды...

– Оставь в покое Флегга и всех лордов! – крикнула она так, что Питер даже подпрыгнул в кровати. Он испугался, увидев сердитые розы, мгновенно расцветшие на ее щеках. – Твой отец делает все правильно, потому что он король, и ты, когда будешь королем, тоже будешь во всем прав. Но Флегг не король, как бы он ни хотел им быть, и ты еще не король, а только маленький мальчик, который не следит за собой.

Она заметила его испуг и улыбнулась. Потом погладила сына по голове.

– Успокойся, Питер, – сказала она. – Это мелочь, но и мелочи важны, если ты собираешься стать королем. А сейчас принеси свою грифельную доску.

– Но уже пора спать...

– Подожди немного. Сначала принеси доску.

Питер сбегал за доской. Саша взяла мел и тщательно вывела три буквы.

– Можешь прочитать это?

Питер кивнул. Он уже знал много букв, но мог прочитать всего несколько слов. И это было как раз одно из них.

– БОГ.

– Да, правильно. А теперь напиши его наоборот.

– Наоборот?

– Вот именно.

Питер своим детским почерком выписал три буквы под четкой надписью матери и очень удивился, увидев еще одно знакомое слово.

– ПЕС¹! Мама, тут написано – ПЕС!

– Да. – Ее голос был грустен, и это сразу погасило возбуждение Питера. Мать указала на два написанных рядом слова. – В человеке две природы. Никогда не забывай об этом, потому что ты будешь королем, а король вырастает большим, как дракон после девятой линьки.

– Но отец вовсе не такой большой, – заметил Питер. Роланд действительно был невысоким да еще и кривоногим. К тому же перед собой он нес солидный живот, налитый пивом и медом.

Саша улыбнулась:

– Король растет *невидимо*, Питер, как только ему на голову возложат корону на Площади Иглы.

– Да? – Глаза Питера стали большими и круглыми. Он не очень-то понимал, как это связано с салфеткой, но не жалел, что они уклонились от довольно неприятной темы к такой интересной. К тому же он уже решил для себя, что теперь всегда будет пользоваться салфеткой, раз это так важно для мамы.

– Да. Короли вырастают *ужасно* большими, поэтому они должны особенно заботиться о том, чтобы не задеть тех, кто меньше их, просто прогуливаясь или усевшись не в том месте. Плохие короли часто так поступают, и, я думаю, даже с хорошими это иногда случается.

– Мама, я не по...

– Тогда послушай еще. Божьи люди говорят, что наша природа частью от Бога, а частью от Старика с копытами. Знаешь, кто такой Старик с копытами?

– Это дьявол.

– Да. Но большинство плохих людей скорее похожи на псов, чем на дьяволов. Псы добрые, но глупые, как люди, когда они напьются. Если псы возбуждены или напуганы, они кусаются; так и люди: если они возбуждены или напуганы, то дерутся. Псы – ручные животные, они слушаются хозяев, но если человек только слушается, это плохой человек. Псы могут быть отважными, но могут выть от страха в темноте и убегать, поджав хвост. Пес так же лижет руку плохого хозяина, как и хорошего, потому что не знает разницы между хорошим и плохим. Пса тошнит, когда он ест отбросы, но он все равно продолжает их есть.

Она на минуту замолчала, быть может, вспоминая пир – как мужчины и женщины, заливаясь пьяным смехом, кидали друг в друга объедками, иногда отворачиваясь, чтобы стошнить на пол. Роланд делал то же самое, но она знала, что его ей не изменить – даже если он пообещает вести себя иначе, то все равно не станет другим человеком.

– Ты понимаешь меня, Питер?

Мальчик кивнул.

– Тогда скажи, пользуются ли псы салфетками?

¹ Игра слов: God и dog (англ.). —Здесь и далее примеч. пер.

Питер потупился и покачал головой. Разговор оказался не таким приятным, как он подумал сначала. Время было позднее, он устал, и, должно быть, от этого к глазам его подступили слезы. Он изо всех сил старался не дать им прорваться, и ему удалось. Мать заметила это и порадовалась за него.

– Не плачь из-за этой салфетки, любовь моя, – сказала Саша и встала, с трудом поднимая свой располневший живот – до рождения Томаса оставалось совсем немного. – Твое поведение почти безупречно. Любая мать королевства гордилась бы своим сыном, будь он вполнину так же хорош, как ты. И я горжусь тобой. И говорю тебе все это только потому, что когда-нибудь ты станешь королем, и человеческие жизни будут зависеть от каждого твоего шага и даже от снов, которые тебе приснятся. Они могут не зависеть от того, пользуешься ли ты за столом салфеткой... но могут и зависеть. Иногда они зависят и от меньшего. Поэтому я и прошу: что бы ты ни делал, помни о доброй части своей природы. Это Божья часть. Обещаешь мне помнить о ней?

– Обещаю, мама.

– Вот и хорошо. – Она поцеловала его. – К счастью, я молода и ты молод. Нам еще о многом предстоит поговорить, когда ты подрастешь.

Они так больше ни о чем и не поговорили, но Питер не забыл урок: с тех пор он всегда и везде пользовался за едой салфеткой.

7

И вот Саша умерла.

Но прежде чем она исчезнет из этой истории, необходимо сказать о ней кое-что еще: у нее был кукольный дом. Очень большой и красивый, настоящий маленький замок. Когда подошло время замужества, Саша старалась выглядеть веселой, но, конечно, ей было жаль покидать свой дом в Западном баронате, где она всех знала, – и еще она немного боялась. Она сказала матери: «Я никогда раньше не выходила замуж и не знаю, понравится ли мне это».

Но из всех воспоминаний детства, с которыми пришлось расстаться, она больше всего жалела о кукольном домике, своей любимой игрушке с самых ранних лет.

Роланд, добрый Роланд, как-то узнал об этом и, хотя он тоже волновался (ему ведь тоже никогда еще не доводилось жениться), но нашел время и приказал Квентину Эллендеру, лучшему мастеру королевства, сделать для его жены новый кукольный дом.

– Я хочу, чтобы это был самый красивый дом, – сказал он Эллендеру. – Чтобы она только раз взглянула на него и навсегда забыла тот, что оставила дома.

Но если Роланд действительно этого хотел, это было глупо. Никто из нас не забывает любимую игрушку, доставлявшую столько радости в детстве, пусть даже новая будет гораздо лучше. Саша не забыла свой старый кукольный дом, но новый ее восхитил. Он восхитил бы и тебя, если ты не полный идиот. Все, кто видел его, говорили, что это лучшая работа мастера Эллендера, и, должно быть, были правы.

Это был миниатюрный особняк, очень похожий на тот, в котором Саша жила с родителями в Западном баронате. Все предметы, хоть и маленькие, были выполнены так искусно, что могло показаться, будто они настоящие... а некоторые и правда работали, как настоящие!

К примеру, плита нагревалась, и на ней можно было готовить еду. Если положить в нее кусочек угля размером не больше ногтя, она горела весь день... и тот, кто попытался бы в это время дотронуться до нее своим неуклюжим пальцем, мог больно обжечься. Там не было раковин и унитазов потому, что в Делейне не слыхивали о таких вещах – но, если действовать осторожно, можно было накачать воду из колонки высотой в полпальца. Там была рабочая комната с прялкой и ткацким станком, и они тоже работали. Клавикорды в гостиной играли, если до ключей дотрагивались зубочисткой и находили верный тон. Те, кто это видел, толковали о чуде и о том, что здесь замешан Флегг. Когда до Флегга доходили подобные слухи, он только улыбался. Он вовсе не участвовал в затее с домом – и, по правде говоря, считал ее глупой, – но зачем опровергать то, что прибавляет тебе значения? Иногда достаточно помалкивать с умным видом, и тебя сочтут за мудреца.

В Сашином домике были настоящие персидские ковры, бархатные занавески, китайский фарфор; на леднике действительно царил холод. Стены в холле были обшиты железным деревом. Во всех окнах блестели стекла, а входную дверь украшал многоцветный витраж.

Одним словом, это был самый прелестный кукольный дом в мире. Саша на свадьбе захлопала в ладоши, когда его увидела, и горячо поблагодарила мужа. Позже она пришла в мастерскую к Эллендеру и не просто поблагодарила его, но даже поцеловала в щеку, чем глубоко расстрогала старика, который, работая над домом, едва не потерял зрение. В те времена королевы нечасто целовали простых мастеров – точнее сказать, никогда.

Но она не забыла свой старый кукольный домик (пусть он был куда хуже этого), хотя теперь и не проводила столько времени за играми – передвигая мебель, зажигая плиту и глядя, как из трубы вьется дым, оповещавший всех о Большом Королевском Чаепитии; не то что раньше, совсем недавно, когда ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Причина проста. Теперь ей незачем было воображать себя королевой – она стала ею на самом деле. Она выросла и обнаружила, что взрослыми становятся совсем иначе, чем казалось в детстве. Тогда ей представля-

лось, что в один прекрасный день человек откладывает куклы и игрушки и говорит: «Все, я уже взрослый». Теперь она поняла, что прежние увлечения не исчезают в один миг, они просто угасают все больше и больше, пока пыль времени не скроет под собой яркие краски детства.

8

У Питера, мальчика, которому предстояло стать королем, были сотни игрушек – нет, если говорить точно, тысячи. У него имелись полки оловянных солдатиков, с которыми он выигрывал великие сражения, и десятки игрушечных лошадок. У него были мячи, и ходули, делавшие его великаном, и сколько угодно бумаги для рисования – а ведь тогда бумага считалась редкостью и ею пользовались только богатые люди.

Но из всех игрушек в замке он больше всего любил кукольный дом своей матери. Он никогда не видел того, что остался в Западном баронате, и для него этот дом был лучшим и единственным. Он часами сидел перед ним, когда за окном моросил дождь или зима выдувала снежные вихри из своей посиневшей глотки. Когда он лежал с детской сыпью (у нас это называют ветрянкой), специальный слуга ставил ему дом на столик у кровати, и он играл им, пока не засыпал.

Он любил воображать маленьких человечков, живущих в доме; иногда ему даже казалось, что он их видит. Он говорил за них разными голосами и придумал им всем имена. Там жил король Роджер, храбрый и могучий (пусть даже и немного кривоногий), который однажды убил дракона. Жила королева Сара, его жена. И их сын, Пити, который любил их и был любим. И конечно, слуги, которые стелили постели, топили плиту и носили воду.

Он был мальчик, и истории, сочиненные им про обитателей дома, были немного кровавее, чем те, что сочиняла Саша, когда была девочкой. В одной из них на дом напали андуанские пираты, чтобы перебить всю семью. Жители дома храбро сражались и убили десятки пиратов, но тех было слишком много. Когда пираты уже одолевали, подросла королевская гвардия – оловянные солдатики Питера – и перебила всех андуанских морских собак. В другой истории из ближайшего леса (обычно он располагался у окна под Сашиной кроватью) выходила стая драконов, чтобы сжечь дом своим огненным дыханием. Но Роджер и Пити всех их застрелили из луков. «Даже земля почернела от их проклятой крови», – рассказывал Питер отцу за ужином, и тот одобрительно хохотал.

После смерти Саши Флегг заметил Роланду, что мальчику не пристало играть с кукольным домом. Это, сказал он, может не сделать его неженкой... но может и сделать. Да и слуги видят все и отнюдь не держат язык за зубами.

– Ему ведь только шесть, – возразил Роланд нерешительно. Белое лицо Флегга, скрытое под капюшоном, и его магические способности всегда немного пугали короля.

– В шесть лет уже пора обучать мальчика мужским занятиям, – произнес чародей. – Подумайте над этим, ваше величество. Я уверен, что ваше решение, как всегда, будет справедливо.

– *Подумайте над этим*, – сказал Флегг, и король так и поступил.

Ни над чем другим за все свое двадцатилетнее правление он не думал столь напряженно.

Это покажется странным, если вспомнить все многотрудные обязанности короля – введение или отмена налогов, объявление войны, судебные дела. Разве с этим в сравнение идет вопрос о том, можно ли маленькому мальчику играть с кукольным домом.

Может, и не идет. Я только говорю вам, что думаю. И еще скажу: Роланд был не самым умным из королей, правивших Делейном. Когда приходилось думать, ему всегда казалось, что в голове у него перекачиваются камешки, глаза слезились, а из носа текло.

В детстве занятия математикой или историей вызывали у него такую головную боль, что в двенадцать лет он их прекратил и занялся тем, что никакой головной боли не вызывало, – охотой. Он изо всех сил старался быть хорошим королем, но чувствовал, что не может верно рассудить многие дела, а от их неверного решения, он знал, пострадают люди. Если бы Роланд слышал, что Саша говорила Питеру после пира, он бы с ней согласился. Короли действительно больше обычных людей, и иногда – довольно часто – ему хотелось бы быть поменьше. Если вам

в жизни приходилось решать серьезные вопросы, к которым вы не были готовы, вы поймете его. Может, поймете и то, что это ощущение неготовности в конце концов заставляет избегать любых решений. Так случилось и с Роландом, который все больше и больше дел стал доверять Флеггу. Иногда ему казалось, что Флегг уже заменил короля во всем, кроме титула, но такие мысли приходили только ночью, в темноте, а днем он был благодарен Флеггу за помощь.

Если бы не Саша, Роланд был бы гораздо худшим королем, и все потому, что слабый голос, который он слышал по ночам, говорил правду. Флегг действительно управлял королевством, и Флегг был очень плохим человеком. К несчастью, нам еще придется о нем говорить, но не сейчас.

Саша ослабила власть Флегга. Она давала королю гораздо более добрые и справедливые советы, чем чародей, и король иногда их слушал. Она не любила Флегга, как и многие в Делейне, но безотчетно. Саша не знала, как пристально, с какой холодной ненавистью тот следит за ней.

9

Однажды Флегг едва не отравил Сашу. Это случилось, когда она упростила короля помиловать двух дезертиров, которых Флегг хотел обезглавить. Он говорил, что дезертиры подадут дурной пример и, если не наказать этих двух, за ними могут последовать другие. Чтобы такого не случилось, нужно показать всем отрубленные головы тех, кто попытался бежать из армии, с выпученными глазами и запекшейся на губах кровью.

Но Саша узнала от одной из своих служанок то, о чем Флегг не сказал Роланду. Мать старшего из беглецов тяжело заболела. В семье было еще пятеро младших братьев и сестер. Все они могли замерзнуть суровой делейнской зимой, если бы старший брат не отлучился из лагеря и не нарубил им дров. А младший ушел с ним потому, что был его лучшим другом. Без него старший нарубил бы нужные на зиму дрова за две недели, а так это заняло шесть дней.

Это представило дело в ином свете. Роланд сам очень любил мать и с радостью отдал бы за нее жизнь. Он провел расследование и выяснил, что Саша права. Еще он узнал, что сбежали солдаты лишь потому, что жестокий сержант отказался передать командиру их просьбу об увольнении и что, как только беглецы нарубили достаточно дров, они вернулись в часть, хотя знали, что их ждет суровое наказание.

Роланд простил их. Флегг только улыбнулся и сказал: «Ваша воля – закон для Делейна, сир». Даже за все золото Четырех Королевств он не показал бы королю ту ярость, что вскипала в его сердце. Милость короля вызвала в народе ликование потому, что многие знали правду и рассказали тем, кто не знал. Милость короля заставила забыть о его менее человечных решениях, подсказанных ему чародеем. Но для Флегга это ничего не значило. Саша посмела вмешаться в его дела. Почему Роланд не женился на другой? Ему ведь было все равно. Почему? Впрочем, не важно. Флегг улыбался, но решил про себя, что скоро увидит похороны Саши.

В тот же вечер Флегг спустился в свою подвальную лабораторию. Там он надел железную перчатку и достал из клетки ядовитого паука, которого держал взаперти двадцать лет, откармливая новорожденными мышатами. Мышат он отравлял, чтобы собственный яд паука, и без того невероятно сильный, стал еще сильнее. Паук, кроваво-красный, размером с крысу, так и источал яд, который прозрачными каплями падал с его челюстей, прожигая дымящиеся отверстия в рабочем столе Флегга.

– А теперь умри, мой милый, и убей королеву, – прошептал Флегг и сдал паука перчаткой, заколдованной от яда. И все равно наутро рука опухла и покраснела.

Яд из раздавленного тела брызнул в кубок. Флегг налил туда бренди, помешал и вынул полуразъеденную адской смертью ложку. От одного глотка такого зелья королева упадет замертво. Смерть будет быстрой, но весьма мучительной, подумал с удовольствием Флегг.

Саша плохо засыпала и взяла за правило выпивать перед сном бокал бренди. Флегг позвал слугу и собирался приказать ему отнести бокал королеве.

Саша никогда не узнала, как близко к смерти она была. За миг до того, как слуга постучал в дверь, Флегг вылил яд в сток, сделанный в полу, и с искаженным ненавистью лицом слушал шипение и бульканье зелья, уходящего в трубу. Затем он изо всех сил запустил бокалом в стену.

Слуга постучал и вошел.

– Я разбил бокал, – сказал Флегг, указывая на осколки. – Убери это. Только возьми щетку, болван, не то пожалеешь.

10

Он вылил яд в последний момент потому, что понял: его могут поймать. Если бы король чуть меньше любил молодую жену, у Флегга был бы шанс. Но он боялся, что Роланд не успокоится, пока не найдет убийцу, и уже представлял свою голову на шесте над стеной замка. За подобное злодеяние король жестоко отомстил бы любому. Даже ему.

Так Саша спаслась – в тот раз, – защищенная страхом Флегга и любовью своего мужа. Ведь в конце концов Флегг по-прежнему оставался ближайшим советником короля.

Но в тот раз Саша победила, хотя потом Флеггу и удалось взять верх.

11

Вскоре после того как Флегг завел речь о кукольном доме и о том, что принц может стать неженкой, король незаметно вошел в спальню покойной королевы и стал наблюдать за играющим сыном. Он стоял у двери, нахмутив брови, и напряженно думал, чувствуя, как камешки перекатываются у него в голове.

Он видел, что Питер рассказывает сам себе истории о кукольном доме, и истории эти вовсе не девчачьи. В них шла речь о битвах, о крови, о драконах – о том, что волновало самого короля, и ему вдруг захотелось присоединиться к сыну в его игре и сочинить еще более удивительные истории. И еще он увидел, что Питер, играя с Сашиним домом, продолжает вспоминать о ней, как и сам Роланд, который страшно горевал о своей жене. Иногда ему хотелось зарыдать. Конечно, короли не должны плакать, но пару раз он все же просыпался на мокрой от слез подушке.

Король незаметно вышел из комнаты и всю ночь пролежал без сна, размышляя о том, что видел. И как ни трудно было отказать Флеггу, наутро он вызвал чародея и сказал ему, что рассмотрел вопрос и решил, что Питер может играть с кукольным домом сколько пожелает. Он утверждал, что это не принесет мальчику никакого вреда.

Произнося это, он ожидал возражений Флегга. Но возражений не последовало. Флегг только поднял брови и сказал:

– Ваша воля – закон, сир.

Роланд по его тону понял, что чародей недоволен, но был рад, что легко отделался. Когда в тот же день Флегг предложил повысить налог с фермеров Восточного бароната, несмотря на то, что засуха погубила почти весь их урожай, король охотно согласился.

Впрочем, упрямство старого осла (так Флегг про себя называл короля) в вопросе о кукольном доме казалось чародею смешным. Повышение налогов было куда более важным делом. К тому же чародея утешал один глубоко спрятанный секрет. Ведь в конце концов он все-таки убил Сашу.

12

Когда королева или другая женщина благородной крови готовится произвести на свет ребенка, всегда зовут повитуху. Ведь все доктора – мужчины, а мужчине не годится в этот момент быть рядом с женщиной. Питера принимала повитуха Анна Криволицая с Третьей Южной улицы. Когда пришло время Томаса, ее позвали опять. К тому времени Анна овдовела, и ей было уже за пятьдесят. У нее был сын, и в двенадцать лет он заболел трясучкой, от которой умирают после нескольких лет ужасных страданий.

Она очень любила своего мальчика и, когда все доктора сказали «нет», пошла к Флеггу. Это случилось давно, когда Роланд еще ходил холостым и ни о каких принцах не было и речи. Чародей принял ее в своем подземном кабинете, рядом с темницами, и во время беседы несчастная женщина слышала порой вскрик какого-нибудь страдальца, долгие годы не видевшего света дня. Она с содроганием думала, что, должно быть, где-то рядом находятся и камеры пыток. Да и сам кабинет Флегга не вызывал добрых чувств. На полу мелом были начертаны странные рисунки, которые, казалось, все время неуловимо менялись. С ржавого крюка под потолком свисала клетка с двухголовым попугаем. Иногда он начинал говорить сам с собой – одна голова спрашивала, другая отвечала. В темных углах, среди запыленных книг, ползали пауки. Кое-как, запинаясь, женщина рассказала свою историю и застыла в ожидании.

– Я вылечу твоего сына, – сказал Флегг.

Уродливое лицо Анны Криволицей осветилось такой радостью, что на миг сделалось красивым.

– Господин! – выдохнула она, не в силах больше ничего вымолвить. – О господин!

Но белое лицо Флегга, затененное капюшоном, оставалось бесстрастным, и страх опять проник в ее душу.

– Чем ты отплатишь мне за это? – спросил он.

– Чем угодно! Просите чего вам угодно, господин!

– Я попрошу об одной услуге, – сказал он. – Сделаешь?

– С превеликой радостью!

– Я еще не знаю, что это. Когда придет время, я тебе скажу.

Она упала на колени, и в этот раз он наклонился к ней. Капюшон упал, и ей открылось его лицо – белое лицо трупа с черными дырами вместо глаз.

– И если ты откажешь, когда я попрошу...

– Я не откажу! О мой господин, не откажу! Клянусь жизнью моего мужа!

– Ладно. Приведи ко мне своего сына сегодня, когда стемнеет.

Она так и сделала. Бедный мальчик дрожал, его голова непрерывно тряслась, глаза закатились. Из рта стекала струйка слюны. Флегг дал ей мензурку с темно-фиолетовой жидкостью:

– Дай ему это. Он обожжет губы, но пусть выпьет все до капли. А потом забирай его и убирайся.

Она всунула мензурку в рот сыну и наклонила ее. Он, давась, проглотил содержимое и упал на пол, корчась от боли.

– Забирай его, – повторил Флегг.

– *Забир-рай!* – прокричала одна из голов попугая.

– *Забир-рай дур-рака!* – поддержала ее другая.

Анна увела сына, уверенная, что Флегг дал ему яд. Но на другой день трясучка прошла, и вскоре мальчик выздоровел окончательно.

Прошли годы. Когда Саша готовилась родить Томаса, Флегг позвал повитуху к себе и что-то прошептал ей. Они были одни, глубоко под землей, но и там он не решился сказать вслух то, что сказал.

Лицо Анны побелело, но она помнила слова Флегга: *Если ты откажешь...*

И разве у короля не останутся два сына? А если он захочет жениться еще раз, то в Делейне много красавиц.

И она пошла к Саше, и успокаивала ее во время родов, и никто не увидел, как в решающий момент в руке у нее блеснул маленький ножик. Через миг Анна крикнула:

– Тужьтесь, моя королева! Тужьтесь! Он выходит!

Томас вышел из чрева матери легко, но следом хлынула кровь. Через десять минут после рождения сына королева была мертва.

Так Флегг добился своего. Роланд был уже стар, жениться второй раз не собирался, и теперь ему предстояло выбирать наследника из двух принцев. Конечно, Питер старший, но это не так уж важно. Его можно тем или иным путем устранить – ведь маленькие дети беззащитны.

Я уже говорил, что за все свое правление Роланд ни над чем другим не размышлял так напряженно, как над тем, позволять ли Питеру играть с кукольным домом, так искусно сделанным мастером Эллендером. Я также говорил, что он решил задачу иначе, чем хотел бы Флегг, но тот подумал, что это мелочь.

Так ли это было на самом деле? Рассудите сами, когда дослушаете историю до конца.

13

Прошло много лет. Удивительно, как быстро в сказках проходит время, когда ничего не случается. В жизни так никогда не бывает, и это даже хорошо. Представляете, каково было бы жить, если бы годы мелькали, как дни, а столетия – как годы?

Все это время Флегг внимательно наблюдал за обоими принцами – за тем, как они вырастают из-за сторбившейся спины постаревшего короля. Он думал, кто из них будет выгоднее для него на троне, и довольно скоро решил, что это Томас. Когда Питеру было пять, Флегг понял, что не любит его, а когда мальчику исполнилось девять, чародей пришел к странному и неприятному для себя выводу: он еще и боялся маленького принца.

Мальчик рос сильным и красивым. Волосы у него были черные, а глаза синие, как у многих в Западном баронате. Иногда, когда Питер быстро, с легким наклоном вскидывал голову, он напоминал отца, а порой точь-в-точь походил на Сашу. Но в отличие от неуклюжего, кривоногого Роланда, который выглядел изящно лишь в седле, Питер был высоким и стройным. Он тоже любил охотиться, но не так страстно. Ему нравились еще и уроки – особенно география и история.

Его отец обожал грубые шутки. Он прямо падал от хохота, когда шуты поскальзывались на банановой кожуре, или сталкивались головами, или устраивали перестрелку тортами в Большом зале. У Питера были совсем другие вкусы. При этом он любил посмеяться, и его залихватский хохот часто колокольчиком разносился по дворцовым залам, вызывая невольные улыбки слуг и придворных.

Многие, занимая они столь высокое положение, как Питер, не водились бы ни с кем, кроме детей знати; он же подружился с мальчиком по имени Бен Стаад, когда им обоим было по восемь лет. Семья Бена была не из знатных, и хотя его отец Эндрю Стаад возводил свой род к королям, их и дворянами-то можно было считать с большой натяжкой. Точнее назвать их «сквайрами». Когда-то богатые, Стаады переживали тяжелые времена, и если бы проводились выборы Лучшего друга принца, их сын вряд ли имел бы шанс.

Познакомились они на ежегодном сельском празднике. Обычно королям и королевам не очень нравилось там присутствовать; они поднимали тост, благодарили фермеров за плоды их труда (даже если год был неурожайным) и удалялись. Если бы Роланд поступал так же, Питер с Беном так никогда бы и не повстречались. Но Роланд в самом деле любил сельский праздник и нередко оставался там до конца (и часто его уносили оттуда, что называется, в стельку).

Питер и Бен оказались в паре на состязаниях по бегу в мешках и выиграли. Они уже давно шли впереди, но вдруг упали, и Питер сильно оцарапал руку.

– Простите, мой принц! – воскликнул Бен, побледнев. Он уже воображал себя в подземной темнице, и его мать с отцом, с опаской наблюдавшие со стороны, тоже (Энди Стаад про себя окончательно решил, что счастливая звезда семьи закатилась). Страх Бена смешивался с удивлением: оказалось, что кровь будущего короля такая же красная, как у всех.

– Не валяй дурака! – нетерпеливо прикрикнул Питер. – Я сам виноват. Давай скорее, а то нас догонят.

Двое мальчишек, соединенных в одно неуклюжее трехногое существо мешком, в котором были крепко стянуты правая нога Питера и левая Бена, попытались подняться. Падение сильно их задержало, и за ними к финишной черте, у которой бесновались толпы фермеров (не говоря уж о Роланде, затесавшемся в их толпу без всякого чувства неловкости), уже приближались два здоровых, потных крестьянских парня. На последних десяти ярдах они грозили почти наверняка обойти Питера и Бена.

– *Быстрее, Питер!* – вскричал Роланд, с таким энтузиазмом потрясая кубком, что большая часть содержимого выплеснулась ему на голову, но от возбуждения он даже не заметил этого. – *Скачи как заяц, сын! Эти олухи уже хватают тебя за задницу!*

Мать Бена начала всхлипывать, проклиная судьбу, поставившую ее сына в пару с принцем.

– Если они проиграют, – простонала она, – Бена бросят в самую глубокую темницу замка.

– Тише, женщина, – сказал Энди. – Наш добрый король не сделает этого. – Он и впрямь так думал, но все равно боялся.

Бен тем временем начал смеяться, совершенно того не желая и даже не веря, что это его смех:

– Он сказал: скачи как заяц?

Питер тоже рассмеялся. Ноги у него болели, из раны на правой руке текла кровь, пот заливал побагровевшее лицо, но он тоже не мог удержаться от смеха.

– Да, именно так он и сказал.

– Тогда *поскакали!*

Когда они пересекали финишную черту, то напоминали не зайцев, а скорее пару облезлых ворон. Чудом удержавшись от падения, они сделали три прыжка и на третьем приземлились на финише, где и рухнули, заливаясь смехом.

– Заяц! – стонал Бен, тыкая в принца пальцем.

– Сам заяц! – отвечал Питер.

Они все еще смеялись, когда дюжие фермеры подняли их на руки (одним из них был Эндрю Стаад, и он навсегда запомнил ощущение двойного веса своего сына и принца) и понесли к месту награждения, где король Роланд опоясал их голубыми лентами. Потом он неуклюже расцеловал мальчиков и окропил оставшимся у него в кубке медом под одобрителный рев фермеров. Никто из них, даже старики, не помнили такого замечательного состязания.

Мальчики провели вместе остаток дня и, как скоро выяснилось, намеревались так же провести остаток жизни. Однако даже у восьмилетнего мальчишки есть обязанности (особенно если он собирается стать королем), поэтому они не могли быть рядом все время, но встречались, как только представлялась такая возможность.

Некоторые морщили нос, говоря, что будущий король не должен водиться с мальчишкой, чье положение в обществе немногим отличалось от положения простого крестьянина. Но большинству это нравилось, и немало кружек в делейнских погребках было опрокинуто за то, что Питер унаследовал лучшее с обеих сторон – ум его матери и любовь отца к простым людям.

Так оно и было. Питер никогда не обрывал крылья бабочкам и не привязывал палки к собачьим хвостам. А после истории с лошастью, которую хотел прикончить Иосиф, главный конюший, Флегг начал побаиваться Питера и обдумывать способы, как бы убрать его с дороги. Ведь именно в этой истории Питер проявил смелость и сострадание, а эти чувства очень не нравились Флеггу.

14

Питер проходил мимо конюшни и увидел во дворе лошадь, привязанную к изгороди. Одну заднюю ногу лошадь держала на весу. Иосиф, стоявший рядом, поплевав на ладони, уже брался за тяжелую кувалду. Сообразив, что он собирается делать, Питер подбежал к нему.

– Кто велел тебе убить эту лошадь? – спросил он.

Иосиф, крепкий мужчина лет под шестьдесят, служил при дворе всю жизнь и вовсе не собирался терпеть вмешательство какого-то сопляка, принц он или нет. Он наградил Питера грозным взглядом, но девятилетний Питер, хоть и покраснел, но не потерял присутствия духа. Печальные карие глаза лошади, казалось, говорили ему: *Ты – моя последняя надежда, поэтому сделай, что можешь, прошу тебя.*

– Мой отец, и дед, и прадед, – сказал Иосиф, поняв, что взгляда здесь будет недостаточно. – *Вот* кто велел мне ее убить. Лошадь со сломанной ногой никому не принесет пользы, в том числе и себе. – Он приподнял кувалду. – Ты видишь в этой штуке только орудие убийства, но когда подрастешь, то поймешь, что иногда она может быть и милосердием. А теперь отойди, а то я тебя забрызгаю.

Он поднял кувалду выше.

– Положи, – сказал Питер.

Иосиф остолбенел. *Никто* до сих пор так нахально не вмешивался в его работу.

– Что-о? Что ты сказал?

– Ты слышал. Я сказал: *положи эту штуку*, – Питер произнес это совсем другим тоном, и Иосиф вдруг понял, что с ним говорит будущий король. Если бы Питер *так* не сказал – если бы он стал ныть: *Положи, слышишь, я ведь будущий король, слышишь, положи эту штуку!* – Иосиф бы только презрительно улыбнулся, сплюнул и оборвал бы жизнь несчастной лошади одним движением мускулистых рук. Но Питер ничего такого не говорил; все читалось в его голосе и глазах.

– Твой отец узнает об этом, принц, – сказал Иосиф.

– Если ты ему скажешь, он услышит это во второй раз, – ответил Питер. – Я позволю тебе закончить твоё дело, господин главный конюший, если ты ответишь «да» всего на один мой вопрос.

– Спрашивай, – Иосифу начинал нравиться этот парень. Он понял, что хотел сказать Питер: принц сам расскажет отцу о случившемся. Это было смело. Кроме того, никто еще не называл Иосифа «господин главный конюший».

– Осмотрел ли доктор эту лошадь?

Иосиф был поражен.

– *Это* твой вопрос?

– Да.

– О Господи, *нет!* – Видя, что Питер нахмурился, он склонился к мальчику и попытался объяснить: – Лошадь со сломанной ногой не жалец на этом свете, ваше высочество. Нога не срастется как следует, и у нее будет заражение крови. Это ужасная боль для лошади. *Ужасная.* В конце концов у нее разорвется сердце или она спятит. Разве я не говорил, что эта штука – орудие милосердия, а не убийства?

Питер долго думал, опустив голову. Иосиф терпеливо ждал, склонившись перед ним, и поза его невольно выражала почтение и покорность.

– Это часто бывает? – спросил наконец Питер.

– Всегда, ваше высочество! Мой отец...

– Тогда посмотрим, что скажет доктор.

– *О-о-о!* – простонал конюший и изо всех сил отшвырнул кувалду. Та угодила прямо в свиное корыто, и свиньи бросились врассыпную, ругаясь на своем свинячем языке. Иосиф, как и Флегг, не терпел вмешательства в свои дела, и свиньи в тот момент занимали его меньше всего.

Он пошел прочь, но потом внезапно обернулся. Улыбка на его лице походила на единственный солнечный луч на хмуром небе.

– Зови своего доктора, – сказал он. – Ты найдешь его в конце Третьей Восточной улицы. Даю тебе двадцать минут. Если не успеешь, я вышибу этой лошади мозги, будь ты хоть трижды принц.

– Да, господин главный конюший! Спасибо! – Питер бросился бежать.

Когда он, запыхавшись, возвращался вместе с молодым ветеринаром, то боялся, что лошадь уже мертва; судя по солнцу, прошло никак не меньше часа. Но осторожный Иосиф решил подождать.

Ветеринарное дело было в Делейне в новинку, и молодой врач оказался лишь третьим или четвертым, кто практиковал по этой части, так что недоверие Иосифа имело основания. Конечно, ветеринару не очень хотелось бежать куда-то вслед за потным, взъерошенным принцем, но ему польстило такое внимание. Наклонившись над лошастью, он ощупал ей ногу, что-то напевая себе под нос и приговаривая: «Потерпи, потерпи, скотинка». Лошадь только один раз дернулась от боли, потом затихла. Иосиф ждал, положив ладони на рукоять кувалды. Он немного смягчился в отношении ветеринара: парень явно знал свое дело.

Наконец доктор встал, стряхивая пыль с ладоней.

– Ну что? – спросил Питер с опаской.

– Убейте, – коротко бросил ветеринар Иосифу, не обращая внимания на Питера.

Иосиф схватился за кувалду, будто ничего другого и не ждал, но взгляд Питера опять остановил его.

– Подожди! – Голос мальчика опять прозвучал по-взрослому... по-королевски.

Доктор уставился на него.

– Значит, она умрет от заражения крови?

– Что? – Изумление доктора увеличилось.

– Она может умереть от заражения крови или сойти с ума?

– Ты о чем? Никакого заражения. Перелом чистый. Я слышал уже такие истории, – он бросил взгляд на Иосифа, – но в них нет ни слова правды.

– Если ты так думаешь, то тебе еще многому предстоит научиться, парень, – буркнул Иосиф.

Питер не обратил на эти реплики внимания.

– Тогда зачем ее убивать? – спросил он ветеринара.

– Видите ли, ваше высочество, – объяснил тот, – ей целый месяц нужно ставить припарки, чтобы в рану не попала инфекция. И все равно она до конца жизни будет хромать и не сможет как следует работать. И ездить на ней будет трудно. Поэтому ее следует убить.

Он улыбнулся, довольный своей речью.

Когда Иосиф опять – в который уже раз – взялся за кувалду, Питер сказал:

– Я буду ставить ей припарки. А если не смогу, это будет делать Бен Стаад. И я возьму ее себе и буду ездить на ней, даже если она останется хромой.

Иосиф рассмеялся и хлопнул принца по спине:

– Ты столь же добр, сколь и смел, мой мальчик, но мальчишки легко обещают и легко забывают обещания. Подумай об этом.

– Я знаю, что говорю.

Смех Иосифа оборвался. Конюший по глазам Питера увидел, что это действительно так.

– Ладно, я не могу тут торчать весь день. – Ветеринар продолжал изображать крайнюю занятость, хотя и знал, сколько ему придется ждать следующего пациента. – Счет я представлю в казначейство по тарифу, если ваше высочество не прибавит что-нибудь за срочность. В любом случае, до свидания.

Питер и конюший смотрели, как он уходит, волоча за собой длинную слепополуденную тень.

– Спесивый пузырь, – заметил Иосиф, когда доктор скрылся и уже не мог опровергнуть этого мнения. – Уж поверь мне, ни одна лошадь, сломавшая ногу, не обошлась без заражения крови. Так уж Бог рассудил.

– Я спрошу об этом отца, – сказал Питер.

Когда принц отошел, Иосиф хитро улыбнулся. Он знал, что Питеру попадет за вмешательство в дела конюшего, но знал и то, что король очень любит сыновей – особенно старшего – и уж, конечно, позволит тому оставить у себя лошадь. А уж здоровая она или больная – не его, Иосифа, дело. Он специалист по лошадям, а не по принцам.

Питеру действительно влетело – три дня он не мог спать на спине и неделю не мог есть сидя, – но Роланд отдал ему лошадь.

– Все равно это ненадолго, – сказал король. – Если Иосиф считает, что она умрет, значит, умрет. – Лицо Роланда было бледным, руки дрожали сильнее обычного. Наказание причинило ему не меньшую боль, чем Питеру, – он действительно очень любил старшего сына, хотя наивно полагал, что никто, кроме него, об этом не догадывается.

– Не знаю, – упрямо сказал Питер. – По-моему, доктор знал, что говорил.

И правда: никакого заражения у лошади не случилось, и хромота она почти перестала, это признал даже Иосиф. Питер ставил ей припарки три раза в день и четвертый раз на ночь, а когда он был занят, это делал Бен Стаад. Питер назвал лошадь Пеони, и они очень сдружились.

Когда Флегг советовал Роланду запретить принцу играть с кукольным домом, он был прав в одном: слуги видели все и не молчали о том, что видели. Некоторые стали свидетелями сцены на конюшне и рассказали остальным, а те, делая вид, что сами при том присутствовали, разнесли рассказы об этом случае по всему городу. Говорили о нем и Иосиф, и молодой ветеринар. Особенно веским было слово Иосифа, которого многие уважали. Он первым стал звать Питера – молодой король, а за ним и другие.

– Я думаю, Бог вылечил эту лошадь потому, что молодой король так стоял за нее, – заканчивал обычно конюший свой рассказ. – И он трудился над ней, как раб. Я вам скажу: у этого мальчишки сердце дракона. Слышали бы вы его голос, когда он велел мне отложить кувалду!

Да, история была замечательная, и Иосиф рассказывал ее целых семь лет – до того дня, когда Питера признали виновным в ужасном преступлении и приговорили к заключению в камеру на самой вершине Иглы до конца его дней.

15

Может, вам интересно, что собой представлял Томас; ведь некоторые из вас уже решили, что он был злодеем, раз уж Флегг хотел передать ему корону, отняв ее у законного владельца.

Это не совсем верно, хотя некоторые на самом деле так думали. Конечно, Томас был не таким хорошим, как Питер, – рядом с Питером никто не показался бы достаточно хорошим, и Томас понял это, уже когда ему было четыре, – год спустя после знаменитого бега в мешках и в год не менее знаменитого происшествия на конюшне. Питер всегда говорил правду; Питер был высоким, красивым и походил на мать, которую так любили и король, и весь народ Делейна.

Разве можно было сравнить с ним Томаса? Ответ прост – нельзя.

В отличие от Питера Томас разительно напоминал отца. Это отчасти умиляло Роланда, но не доставляло ему радости. Он знал, что светлые кудри Томаса рано поседеют, а потом и выпадут, оставив его лысым в сорок лет. Знал, что Томас не будет высоким, а если ему передастся отцовская любовь к пиву и меду, то он уже к тридцати станет носить перед собой брюхо. Томас уже начинал косолапить, и Роланд понимал, что скоро его младший сын будет таким же кривоногим, как он сам.

Томас был не слишком хорош, но не был и плох. Он часто грустил, часто злился и тугο соображал (когда приходилось думать, ему, как и отцу, казалось, что в голове у него перекачиваются шарики), но он не был плохим.

И еще – он завидовал брату. Мало того, что тому предстояло стать королем, что отец его больше любил, и *слуги* больше любили Питера, и *учителя*, потому что он всегда готовил уроки. Мало того, что *все* любили Питера больше, чем его. Было кое-что еще.

Когда кто-нибудь, и особенно король, смотрел на Томаса, ему казалось, что они думают: *Мы любили твою мать, а ты убил ее своим появлением. И что мы получили взамен? Маленького уродца с глупым лицом почти без подбородка, который до восьми лет не смог выучить больше пятнадцати Великих Букв. Твой брат Питер в шесть лет знал их все. Что мы получили? Зачем ты нам, Томас? Страховка престола – вот кто ты такой, на случай если Питер упадет со своей хромой лошади и сломает шею. Нет уж, мы не хотим этого. И ты нам не нужен. Слышишь, не нужен!*

В том, что Питера заточили в Иглу, была отчасти и вина Томаса, но даже после этого его нельзя было назвать по-настоящему плохим. Я верю в это и думаю, что и вы поверите.

16

Однажды, когда ему было семь лет, Томас просидел целый день у себя в комнате, вырезая в подарок отцу парусную лодку. Он делал это, не зная, что в тот же день Питер покрыл себя славой на состязаниях по стрельбе из лука. По правде говоря, Питер стрелял не слишком хорошо, и Томас вполне мог бы обставить его в этом, но так уж вышло, что именно Питер оказался тогда на состязаниях рядом с отцом. Томас часто грустил, часто злился, и ему часто не везло.

Томас подумал о лодке потому, что иногда, по воскресеньям, отец любил пускать кораблики во рву, окружавшем дворец. Такие простые забавы всегда нравились Роланду, и Томас навсегда запомнил день, когда отец взял его – одного его – с собой. В то время у короля был специальный советник, который показывал ему, как делать бумажные кораблики. Вдруг громадный старый карп высунулся из илистой воды и проглотил кораблик. «Морское чудовище!» – повторял король, смеясь до слез и крепко обнимая сына. Томас запомнил все до мельчайшей детали – яркое солнце, гниловатый запах воды во рву, тепло отцовских рук и его колючую бороду.

Именно поэтому, чувствуя себя особенно одиноким, он решил смастерить отцу лодку. Томас знал, что лодка получится не особенно красивой – руками он работал немногим лучше, чем головой. Но он знал и то, что, хотя король мог приказать любому мастеру, даже великому Эллендеру, сделать ему самую лучшую лодку, разница заключалась в том, что это он, его сын, *целый день* трудился над подарком отцу.

Томас, сидя у окна, терпеливо вырезал лодку из куска дерева. Руки у него были в занозах и один раз он сильно порезался. Но это его не останавливало – он мечтал о том, как они с отцом пойдут в воскресенье запускать *его* лодку – вдвоем, потому что Питер ускачет куда-нибудь на Пеони или будет играть с Беном. И пусть даже тот же карп проглотит лодку, если при этом отец так же обнимет его, и рассмеется, и воскликнет, что это лучше историй о морских чудовищах, глотающих целиком андуанские клипперы.

Но когда он пришел в комнату к отцу, там был Питер, и Томасу пришлось полчаса ждать, пряча лодку за спиной, пока Роланд восхвалял меткость Питера в стрельбе. Томас видел, что брат чувствует себя неловко и хочет уйти и дать ему поговорить с отцом, но он все равно ненавидел Питера.

Наконец Питер изловчился и ушел. Томас подошел к отцу.

– Я тебе кое-что сделал, папа. – Он достал лодку из-за спины внезапно вспотевшими руками.

– Правда, Томми? Ну и что же это?

– Да, что же это? – подхватил невесть откуда взявшийся Флегг. Голос его звучал безразлично, но он смотрел на Томаса с глубоким вниманием: – Что это? Покажи.

– Я знаю, папа, как ты любишь пускать кораблики по воскресеньям, и вот... – ему отчаянно хотелось продолжить: *...и вот я захотел, чтобы ты опять взял меня с собой, и сделал эту вещь*, но он не мог этого сказать, просто не мог. – Вот я... сделал лодку... Я целый день работал... порезался... и...

Сидя у себя, Томас заготовил целую речь, которую хотел произнести, держа лодку за спиной, но теперь он не мог вспомнить ни слова, а то, что сумел вспомнить, не имело, казалось, никакого смысла.

Поэтому он просто протянул лодку с неуклюже хлопающим парусом Роланду. Король повертел ее в своих грубых пальцах. Томас смотрел на отца затаив дыхание. Наконец Роланд взглянул на него:

– Хорошо, Томми. Очень хорошо. Это каноэ?

Лодка с парусом, разве ты не видишь парус? – хотелось закричать ему. Я целый час привязывал его и не виноват, что один узел развязался, и он теперь хлопает!

Король подергал парус, который Томас вырезал из наволочки:

– А-а... ну да. А я сперва подумал, что это корыто с бельем. – Он подмигнул Флеггу, который улыбнулся и промолчал. Томаса вдруг затошнило.

Роланд взглянул на сына посерьезневшими глазами и поманил его к себе. Все еще надеясь на лучшее, Томас подошел к отцу.

– Это хорошая лодка, Томми. Неуклюжая немного, совсем как ты сам, но и хорошая, совсем как ты. А если ты хочешь сделать мне действительно *отличный* подарок, учись стрелять из лука, чтобы выиграть когда-нибудь соревнование, как Питер сегодня.

Томас уже *целый год* учился стрелять, но отец, по-видимому, забыл об этом. Томас не стал ему напоминать; он просто стоял, глядя на свою лодку в больших руках отца. Его щеки и лоб залила краска.

– В конце остались двое – Питер и сын лорда Таусона, – и распорядитель велел им стрелять с сорока ярдов. Сын Таусона долго целился, а Питер сразу подошел к рубежу и выстрелил. А чуть раньше я увидел его взгляд и понял, что он выиграет. Еще до того как он пустил стрелу! Представляешь, Томми? Жаль, тебя там не было...

Король продолжал рассказ, небрежно отложив лодку, над которой Томас трудился целый день. Томас стоял и слушал с той же дурацкой, застывшей улыбкой. Что толку? Отец никогда не возьмет его с собой пускать лодку. Ведь Питер, должно быть, вырезал бы такую даже с завязанными глазами и вдвое быстрее. Во всяком случае, отцу бы она точно показалась лучше.

Казалось, миновала целая адская вечность, прежде чем Томас смог наконец уйти.

– Я думаю, мальчик много трудился над этой лодкой, – заметил Флегг.

– Похоже, – ответил Роланд. – Ну и штука! Похожа на собачье дерьмо с торчащим из него платком. (*И на то, что я делал в его возрасте*, добавил он про себя.)

Томас не мог услышать его мысли... но каким-то чудом услышал *слова*, когда выходил из Большого зала. Внезапно тошнота сделалась невыносимой. Мальчик вбежал в свою комнату, и его вырвало в тазик.

На следующий день, прогуливаясь возле кухни, Томас подстерег старого бродячего пса, пробравшегося туда в поисках отбросов. Он подобрал с земли камень и швырнул в собаку. Удар попал в цель – дворняга, визжа, свалилась на землю. Томас знал, что брат, хоть и старше его на пять лет, никогда не попал бы камнем в цель с такого расстояния. Утешение было сомнительным – Питер просто никогда не стал бы бросать камни в собаку, особенно такую старую и жалкую.

В какой-то момент Томаса охватило сострадание, и глаза его наполнились слезами. Потом он вспомнил, непонятно почему, слова отца: *Похоже на собачье дерьмо с торчащим из него платком*. Он набрал камней и стал бросать в бьющегося на земле пса. Часть его хотела оставить пса в покое или даже вылечить, как Питер вылечил Пеони, и любить его. Но другая часть хотела сделать псу больно, словно это изгоняло боль из его собственного сердца. Потом в голову мальчика пришла дикая мысль: *А что, если бы на месте этого пса был Питер?*

Это решило дело. Томас кидал камни в пса, пока тот не издох. Никто не видел его, а если бы кто-нибудь увидел, то сказал бы: *Это плохой мальчик, плохой и злой*. Но, видя страдания пса, люди не видели того, что случилось накануне, – как Томаса рвало в тазик и как он потом плакал. Нет, Томас был завистливым, невезучим, но, повторяю, он не был по-настоящему плохим.

Я сказал, что никто не видел, как он швырял камни в дворнягу, но это не совсем так. Флегг видел это той ночью в своем магическом кристалле. Он видел это... и радовался.

17

Роланд... Саша... Питер... Томас. Остался только один человек, о котором мы пока не поговорили, так ведь? Пришло время побеседовать о Флегге, хоть мне и не очень хочется о нем говорить.

Иногда люди в Делейне звали Флегга Человеком в капюшоне, иногда просто Черным – и он на самом деле был черен, несмотря на бледное, как у покойника, лицо. О нем говорили, что он хорошо сохранился, но это не звучало комплиментом. Он пришел в Делейн из Гарлана во времена деда Роланда. Тогда он выглядел худым, остролицым мужчиной лет сорока. А в конце царствования Роланда он выглядел худым, остролицым мужчиной лет пятидесяти. Но ведь прошло не десять, не двадцать, а целых семьдесят шесть лет. Беззубые младенцы, лежавшие в колыбельках, когда Флегг появился в Делейне, выросли, народили детей, одряхлели и умерли беззубыми старцами в своих кроватях, а Флегг постарел всего на какой-то десяток лет! Конечно, это было волшебство, и хорошо иметь в королевстве настоящего волшебника, а не какого-нибудь фокусника, который вытаскивает из рукава голубей. Так говорили люди Делейна, боясь признаться даже себе самим, что не знают о Флегге *ничего* хорошего. Но, встречаясь с ним, они поспешно переходили на другую сторону улицы.

Действительно ли он пришел из Гарлана, где странные пурпурные горы дремлют в туманной дымке? Не знаю. Гарлан – волшебная страна, где ковры порой летают, а святые люди игрой на флейте поднимают ввысь веревки, лежащие в плетеных корзинах, карабкаются по ним и исчезают в небе. Многие искатели приключений из более цивилизованных стран, таких, как Делейн и Андуа, приходили в Гарлан. Большинство исчезли так же бесследно, как святые в небе, а те, кто вернулся, сильно изменились – и не всегда к лучшему. Да, Флегг мог прийти из Гарлана, но если и так, то это случилось не во времена деда Роланда, а намного раньше.

На самом деле он появлялся в Делейне не единожды – всякий раз под другим именем, но неизменно неся с собой тот же груз горя и смерти. Когда-то он был известен, как Билл Хинч, главный палач короля, и, хотя с тех пор прошло уже двести пятьдесят лет, матери до сего времени пугали его именем детей. «Если не перестанешь ныть, придет Билл Хинч и заберет тебя» – так они говорили. Служа палачом при трех самых кровавых королях в истории Делейна, Билл Хинч своим топором оборвал жизни сотен, а может, и тысяч узников.

А *до того*, за четыреста лет до Роланда, он явился как певец по имени Броусон, стал близким советником короля и королевы и растаял как дым, развязав долгую и кровавую войну между Делейном и Андуа.

А *до того*...

Впрочем, никто толком не знал. Когда случилась эта история, даже сказочники не помнят. Флегг всегда являлся в новом обличье, но две вещи оставались неизменными. Он всегда ходил в капюшоне, будто у него не было лица, и он никогда не становился королем сам, а был лишь нашептывателем, вливавшим тайно и незаметно в ухо короля самый страшный яд – яд дурных советов.

Так кто же он был, этот черный человек?

Я не знаю.

Где он блуждал в промежутках между своими появлениями в Делейне?

Тоже не знаю.

Неужели его никто не подозревал?

Некоторые – историки и сказочники вроде меня – догадывались, что Флегг появлялся в Делейне и раньше, и это никогда не кончалось добром. Но они боялись сказать об этом. Человек, который прожил среди них семьдесят шесть лет и состарился всего лишь на десять, без сомнения, чародей; а тот, кто прожил в десять раз дольше... это не иначе как сам дьявол.

Чего же он хотел? На этот вопрос я, как мне кажется, могу ответить.

Он хотел того, чего всегда хотят злые люди: иметь власть и с ее помощью творить зло. Самому быть королем не так интересно: слишком часто головы королей выставлялись на шестах над крепостной стеной. Но советники... нашепыватели... такие люди, едва палач заносит свой топор, обычно тают, как тени на закате. Флегг скрывал свои дела, как и свое лицо, и когда наступали великие бедствия, вызванные им, исчезал как тень.

Потом, когда пожарища зарастали травой, а на месте развалин воздвигались новые здания, когда появлялось что-либо, годное для разрушения, Флегг приходил опять.

18

На сей раз Флегг нашел Делейн процветающим. Ландри, дед Роланда, старый пьяница, которым можно было легко вертеть, скоро сошел в могилу. А Лита, мать Роланда, была не таким удобным орудием в руках Флегга – некрасивая, зато с добрым сердцем и сильной волей.

Если бы Флегг появился пораньше, то успел бы убрать ее с дороги, как теперь собирался убрать Питера. Но он не успел.

Зато Лита оставила его при себе в качестве советника, а это было уже кое-что. Она любила смотреть на его карточные фокусы и еще любила сплетни – причем не только о том, что случилось, но и о том, что *могло бы* случиться. Флегг не рассказывал королеве о дурных предсказаниях карт. Она хотела знать не об убийствах и катастрофах, а о том, кто завел любовника или поссорился с мужем.

В течение долгого царствования Литы Флеггу пришлось держать свои главные таланты под спудом. Бывали, конечно, и маленькие победы – когда ему удалось разжечь смертельную вражду между двумя могущественными сквайрами Южного бароната или опорочить доктора, нашедшего лекарство от некоторых опасных болезней (Флегг не хотел допускать в Делейн никаких лекарств, кроме волшебных, – иными словами, кроме своих собственных). Но это мало что меняло.

При Роланде – бедном кривоногом Роланде – Флегг стал продвигаться к цели быстрее. А целью его было не что иное, как низвержение монархии – кровавая революция, которая погрузила бы Делейн в бездну мрака и бедствий на тысячу лет.

Год-другой в ту или иную сторону дела, конечно, не меняют.

19

В характере Питера чародей увидел серьезную угрозу своим планам. Флегг все больше и больше убеждался в том, что Питера надо устранить. На этот раз дело затягивалось. То, что началось при Роланде – медленное повышение налогов, конфискация излишков зерна, обыски в домах богатых фермеров, – могло вскоре дать плоды, и Флегг не хотел пережидать правление Питера, как пережидал правление его бабки.

Питер мог не только разорвать с таким трудом сплетенную паутину; он мог выслать и самого Флегга, запретив ему возвращаться под страхом смерти. Он не нуждался в советниках и сам мог давать себе советы; поэтому когда Питер, которому уже исполнилось пятнадцать, бросал на Флегга холодный взгляд, тому чудилось, что принц уже дал себе этот совет.

Мальчик любил историю и в последние два года, пока его отец все больше старел, задавал много вопросов своим учителям. И многие из этих вопросов были о Флегге или о том, что так или иначе вело к Флеггу.

Плохо, что он задавал такие вопросы в пятнадцать лет. И еще хуже, что он получал от таких осторожных людей, как историки, правдивые ответы. Это означало, что они уже считали его королем и радовались этому. Радовались, что он будет умным и знающим, как они, и в отличие от них будет смелым королем с сердцем льва и совершит множество подвигов. В его лице они приветствовали пришествие древнего Добра, которое вновь и вновь приходит к уставшим людям и дает им силы жить.

Его нужно убрать с дороги.

Флегг твердил себе это каждый вечер, засыпая в темноте своих покоев, и с этой мыслью он каждое утро просыпался – тоже в темноте.

Его нужно убрать с дороги. Мальчишке нужно убрать.

Но это легче было задумать, чем сделать. Роланд любил обоих сыновей, но Питера особенно. Можно было удушить мальчика еще в колыбели, обставив все так, будто он умер от Детской Смерти, но теперь принц был уже подростком. Любое происшествие привело бы к тщательному расследованию. Флегг не раз думал: какой насмешкой судьбы было бы, если бы Питер действительно погиб случайно, а его бы тем не менее в этом обвинили. Мало ли что... падение с крыши конюшни... с лошади... треснувшая перекладина лестницы... И каков результат? Обезумевший от горя и гнева Роланд начнет искать убийцу и непременно заподозрит Флегга. Его мать не доверяла чародею, и он в глубине души тоже. Флегг всегда это знал. Конечно, обычно это недоверие скрывалось под страхом и признательностью, но в случае смерти сына...

Флегг думал, что этак ему еще придется оберегать жизнь юного принца. Это было невыносимо. Невыносимо!

Его нужно убрать с дороги! Нужно убрать с дороги! Нужно!

Шли дни, месяцы, годы, и эти мысли все настойчивее стучались в голову Флегга. Роланд с каждым днем старел, а Питер становился старше, умнее и опаснее. Что же делать?

Флегг стал нервным и раздражительным. Слуги, особенно дворецкий Питера Брендон и его сын Деннис, обходили чародея стороной и шептались об отвратительных запахах, идущих ночью из его лаборатории. Деннис, которому предстояло впоследствии занять место отца близ Питера, однажды спросил его, не следует ли предупредить принца.

– Чтобы он знал об опасности, – добавил Деннис.

– Ни слова, – отрезал Брендон. – Этот человек опасен.

– Тем более это причина, – возразил Деннис.

– Болван может принять треск гремучей змеи за стрекот кузнечика и протянуть ей руку, – сказал Брендон, – но наш принц не болван. А теперь налей мне еще стаканчик, и покончим с этим.

Деннис ничего не сказал Питеру, но с тех пор, если встречал где-нибудь в коридоре замка закутанную в плащ фигуру Флегга, ему хотелось побежать прочь с криком: *Гремучая змея! Гремучая змея! Осторожнее с ней, Питер!*

И вот однажды ночью (Питеру было уже шестнадцать), когда Флегг почти поверил, что ничем не сможет навредить принцу, решение пришло к нему. То была ужасная ночь. Осенняя буря завывала за окнами и гуляла по пустым улицам, прогоняя торопливо бегущих редких прохожих.

Роланд простудился на охоте. Он простужался все чаще, несмотря на лекарства Флегга, и одна из этих простуд могла перейти в воспаление легких и убить его. Волшебники лечат иначе, чем врачи, и Флегг знал, что его лекарства не действуют больше потому, что он так хочет. Он сохранял Роланду жизнь только из-за страха перед Питером.

Хочу, чтобы ты умер, проклятый старик, думал Флегг, сидя перед чадающей свечой и слушая, как за стенами воет ветер и как двухголовый попугай сонно бормочет во сне. Я бы убил тебя своими руками за все, что сделали мне ты, и твоя дура жена, и твой старший сын. Убил бы с радостью, пусть это даже разрушило бы мои планы. Убил бы...

Внезапно он замер, уставившись в темноту, где без устали роились тени. Глаза блеснули серебром. Мысль вспыхнула в мозгу, как факел.

Свеча зашипела и погасла.

– *Смерть!* – вскрикнула в темноте одна голова попугая.

– *Стр-рах!* – подхватила вторая голова.

И в этой черноте не видимый никем Флегг начал хохотать.

20

Из всех орудий цареубийства ни одно не используется так часто, как яд. И никто не знает яды лучше, чем волшебники.

Флегг, один из величайших волшебников, знал все яды на свете: мышьяк, стрихнин, кураре, который по очереди парализует все мышцы, вплоть до сердца; никотин, белладонну, мухомор. Он знал яды сотен змей и пауков и вытяжку из цветов бледной лилии, которая пахнет, как мед, но заставляет жертвы умирать в корчах; и Чертов Коготь, что растет в самой глубине Великой Топи. Флегг знал сотни или даже тысячи ядов, один хуже другого. Все они были расставлены по полкам в его подземной лаборатории, куда не смел войти ни один слуга. Они хранились в пробирках, в колбах, в маленьких конвертах. Они ждали своего часа. Флегг часто навещал их, когда хотел отдохнуть и развеяться. В этом дьявольском месте пряталось все, чего люди, слабые существа из плоти и крови, так боятся: головная боль, желудочные колики, рвота, закупорка сосудов, паралич сердца, выкатившиеся глаза, почерневшие языки, багровые чумные бубоны.

Но самый страшный яд Флегг держал отдельно. В его кабинете стоял стол, каждый ящик которого был заперт... но один из них запирался тремя замками. В нем лежала тиковая шкатулка, расписанная магическими символами. Замок ее на первый взгляд был сделан из тусклой оранжевой стали. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что это растение – особый сорт моркови. Раз в неделю Флегг поливал морковь водой из специальной бутылочки. Если кто-нибудь пытался сорвать замок или даже неправильно вставлял ключ, морковь издавала пронзительный скрип. Внутри шкатулки находилась еще одна коробочка, ключ от которой Флегг всегда носил на шее.

В этой второй коробочке лежал пакетик с зеленым песком. «Ничего особенного, – скажете вы. – Не о чем рассказать маме». Но дело в том, что этот песок был одним из самых смертоносных ядов в мире, которого боялся даже сам Флегг. Его привезли из Грена, огромной безжизненной пустоши, лежащей за Гарланом. Грена можно достичь только, когда ветер дует в глубь его, иначе первый же порыв отравленного воздуха убьет неосторожного путника.

Убьет не сразу. День-два или даже три тот, кто вдохнет пары яда (или проглотит зерна песка, что еще хуже), будет чувствовать себя отлично, лучше, чем когда-либо в жизни. Потом внезапно его легкие начнут раскаляться, кожа задымится и все тело съежится, как мумия. Затем он упадет мертвым, а волосы его вспыхнут. Так будет с каждым, кто вдохнет или проглотит этот яд.

Он называется Драконьим Песком, и от него нет противоядия.

В ту дикую ночь Флегг решил подсыпать Драконий Песок Роланду в вино. Питер обычно приносил отцу перед сном бокал вина. Все во дворце знали об этом и хвалили принца за сыновнюю заботу. Отец любил общество сына почти так же, как вино, но Питер редко задерживался у него больше получаса – по дошедшим до Флегга слухам, он увлекся какой-то девицей.

Если Флеггу удастся после ухода Питера проникнуть к Роланду и принести ему свой бокал с вином – с особенным вином, – то второго старику уже не понадобится.

Вино с моего виноградника, ваше величество, подумал Флегг с улыбкой. Похоже, этот виноградник расположен рядом с адом, а когда вы вкусите его плоды, вам и ад покажется раем.

Флегг откинул голову и рассмеялся.

21

План был выработан – план, который должен убрать с дороги и Роланда, и Питера, – и Флегг не стал терять времени. Сперва он постарался, чтобы самочувствие короля улучшилось – просто *захотел*, чтобы его лекарства подействовали. Король должен чувствовать себя здоровым – только тогда все поверят, что его убили, когда это случится. Флегг находил свою затею забавной.

В холодную ночь, через неделю после того как король перестал кашлять, Флегг отпер ящик и достал тиковую шкатулку. «Так-так», – пробормотал он моркови, которая безмозгло скрипнула в ответ, открыл шкатулку и достал из нее коробочку. Потом отпер ее снятым с шеи ключом и достал пакет. Пакет был заколдован от страшного воздействия Драконьего Песка. Флегг осторожно взял его маленькими серебряными щипчиками – пот крупными каплями стекал у него со лба, – и положил на стол рядом с одним из королевских кубков.

Потом он вышел в коридор, ведущий к темницам, чтобы отдышаться. Ему нужно было как следует наполнить легкие воздухом, чтобы в лаборатории дышать как можно меньше. Один неосторожный вдох – и конец. В последний раз вдохнув свежего воздуха у зарешеченного окошка в коридоре, он вернулся в комнату. На столе у него лежал кусок обсидиана – самого твердого из известных в то время камней. Флегг также осторожно открыл пакет и извлек оттуда немного зеленого песка, не больше дюжины песчинок. Он поместил их на обсидиан, и камень сразу же начал дымиться.

Прошло тридцать секунд.

Он поднял обсидиан, стараясь, чтобы ни одна песчинка не попала на кожу (она не остановилась бы, пока не достигла сердца и не опалила его огнем), и стряхнул яд в кубок.

Быстро, пока песок не начал разъедать стекло, чародей налил в кубок любимое вино короля, то самое, что Питер приносил ему каждый вечер. Песок моментально растворился. Лишь на мгновение красное вино стало зловеще-зеленым, потом приобрело нормальный цвет.

Пятьдесят секунд.

Флегг вернулся к столу и взял камень и нож, которым открывал пакет. Только несколько крупинок Драконьего Песка попало на лезвие, но лучшая андуанская сталь уже покрылась дымящимися щербинами.

Семьдесят секунд. Флегг уже начинал задыхаться.

В тридцати футах по коридору в направлении темниц (путь, которым никто в Делейне не хотел пройти) в полу был водосток. Флегг бросил в него нож и камень, улыбнулся, услышав двойной всплеск, и поспешил к окну.

Отдышавшись, он вернулся в кабинет. Теперь на столе лежали только щипчики, пакет и стоял бокал с вином. На щипчиках яда не осталось, а тот, что в пакете, уже не мог повредить его здоровью, если быть осторожным.

Флегг почувствовал удовлетворение от сделанной работы. Он склонился над кубком и глубоко вдохнул. Это было безопасно: когда песок растворяется в жидкости, его пары становятся безвредны.

Чего нельзя сказать о самой жидкости.

Флегг поднес бокал к свету, любясь кровавым отблеском.

– Последний бокал вина, мой король, – сказал чародей, рассмеявшись, и разбудил попугая. – Оно согреет вас на славу.

Он сел, перевернул песочные часы и принялся читать заклинания в огромной книге. Флегг читал эту книгу тысячу лет и не прочел даже четверти. Написал ее на равнинах Ленга безумец по имени Альхазред, и читающий ее слишком долго рисковал тоже стать безумным.

Час... только час. Когда верхняя половина часов опустеет, Питер уже придет и уйдет. Пройдет час, и он поднесет Роланду последний бокал вина. Флегг какое-то время смотрел на сонно сыплющийся белый песок, потом опустил глаза к книге.

22

Роланд был тронут, когда Флегг перед сном принес ему вино. Он осушил бокал двумя большими глотками и выразил надежду, что это вино его согреет.

Улыбаясь под капюшоном, Флегг сказал:

– Я уверен в этом, ваше величество.

23

Судьба или просто случай позволили Томасу увидеть в тот вечер Флегга в комнате отца – это уж решайте сами. Я расскажу только, что он видел, а случилось это из-за того, что Флегг многие годы пытался завоевать дружбу несчастного мальчика, у которого не было других друзей.

Я сейчас объясню, в чем дело, но сначала должен сказать кое-что по поводу волшебства.

В историях о волшебстве фигурируют обычно три вещи, которые якобы способен делать любой второразрядный чародей. Это превращение свинца в золото, изменение облика и умение становиться невидимым. Настоящее волшебство нелегкая штука, а если вы другого мнения, попробуйте как-нибудь заставить исчезнуть вашу любимую тетюшку, когда она придет к вам погостить на недельку. Совершать чудеса трудно, даже злые, хотя их делать легче, чем добрые.

Превратить свинец в золото можно, если знать нужные слова, но изменение облика и невидимость невозможны... если понимать эти слова в их подлинном смысле.

Флеггу доводилось слышать истории о принцах, которые спасались от орд злодеев, становясь невидимыми, и о прекрасных принцессах (в сказках принцессы всегда прекрасны, хотя опыт Флегга говорил, что в большинстве случаев принцессы, продукт долгой цепи родственных браков, страшны как смертный грех и глупы как колода), которые превращали огромных людоедов в мух и легко их прихлопывали. Принцессы в сказках хорошо били мух, но Флегг сомневался, что реальные принцессы смогут прихлопнуть даже декабрьскую сонную муху. Да, в сказках все было просто.

На самом деле Флегг ничего подобного не видел. Он знал великого андуанского волшебника, который верил, что можно изменить облик, но шесть месяцев медитации и почти неделя чтения заклинаний привели лишь к тому, что он отрастил себе нос в девять футов и сошел с ума. Флегг усмехнулся, вспомнив желтые кривые ногти, росшие на этом носу. Великий волшебник или нет, но на деле он оказался дураком.

Невидимость казалась Флеггу столь же маловероятной. Зато можно было сделать себя... *тусклым*.

Да, *тусклый* – это слово лучше всего обозначает подобное состояние, хотя иногда говорят *призрачный, скрытый, неявный*. Невидимым он стать не мог, но, прочитав ряд заклинаний, мог сделаться *тусклым*. Когда он в таком виде шел по коридору и навстречу ему попадался слуга, глаза слуги внезапно устремлялись под ноги или на потолок. Если он входил в зал, разговор смолкал, и люди начинали встревоженно озираться. Свечи и факелы чадили и гасли. Но тот, кто хорошо знал человека, мог увидеть его и в *тусклом* состоянии, так что это не была невидимость.

В тот вечер, когда Флегг принес Роланду отравленное вино, он сделал себя *тусклым*. Он не думал, что его кто-нибудь увидит. Было около девяти, а замок при старом и больном короле ложился спать рано. *Когда королем будет Томас*, размышлял Флегг, осторожно неся бокал по коридорам, *тут каждый вечер будут пиры*. Он унаследовал любовь отца к пьянству, хотя больше любит вино, чем пиво и мед. *Его легко будет приучить и к более крепким напиткам...* Разве я не его друг? *Когда Питер окажется в Игле, а Томас на троне, пиры будут каждый день... пока это не надоест баронам и простонародью*. Да, это будет последнее действие, самое интересное, но боюсь, что Томасу оно покажется чересчур горячим, как это вино его отцу.

Он не думал, что его увидят, и его не увидели. Несколько слуг, которые проходили мимо, просто отпрянули, будто наткнувшись на препятствие.

Но кое-кто его все-таки *видел*. Томас видел чародея глазами Нинера, дракона, убитого когда-то отцом. Томас смог это сделать потому, что Флегг сам его научил.

24

То, как отец обошелся со сделанной им лодкой, очень обидело Томаса. Но он все еще любил отца и хотел доставлять ему столько же радости, сколько Питер. Хотя, честно говоря, Томас был бы счастлив, если бы отец уделял ему половину той любви, какая доставалась Питеру.

Но вот беда, все хорошие идеи первыми приходили в голову Питеру. Когда он сообщал их Томасу, тот или называл их ерундой (пока они не воплощались в жизнь), или боялся взять за них ответственность. Так случилось и в тот раз, когда Питер предложил подарить отцу шахматы, вырезанные своими руками.

– Я подарю отцу кое-что получше этих игрушек, – заявил тогда Томас, но про себя подумал, что если уж он не смог сделать простую деревянную лодку, то где уж ему справиться с шахматными фигурами. Поэтому Питер за четыре месяца вырезал их один – пехотинцев, стрелков, рыцарей, генерала, монаха, – и конечно, Роланд был в восторге, хоть они и получились немного неуклюжими. Он сразу убрал шахматы из слоновой кости, сделанные ему сорок лет назад великим Эллендером, и играл только в те, что сделал Питер. Когда Томас узнал об этом, он побежал к себе и лег в постель, хотя была середина дня. Он чувствовал себя так, будто кто-то заставил его съесть кусок собственного сердца. Сердце было горьким, и он еще больше возненавидел Питера, хотя часть его все еще любила старшего брата.

Теперь об этом вечернем бокале вина.

Питер пришел к Томасу и предложил:

– Я подумал, что было бы здорово каждый вечер приносить отцу бокал вина. Я спросил у кравчего, и он сказал, что не может дать нам бутылку, потому что отчитывается за них перед главным виночерпием, но мы можем купить на свои деньги бутылку пятилетнего баронского – отец его особенно любит. Это совсем недорого и...

– И это самая большая чушь, какую я слышал! – взорвался Томас. – Все вино принадлежит отцу, и он может пить его, сколько хочет. Почему мы должны отдавать наши деньги за то, что и так его? Чтобы обогащать этого толстяка кравчего?

– Ему будет приятно, если мы купим вино за свои деньги, хоть он им и владеет, – терпеливо пояснил Питер.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, – просто сказал Питер.

Томас промолчал. Откуда Питеру знать, что кравчий месяц назад поймал его в погребе, когда он пытался стащить бутылку вина? Старый хряк грозил рассказать отцу, если Томас не даст ему золотую монету, и Томасу пришлось дать, хотя он чуть не плакал от злости и обиды. *Если бы это был Питер, ты бы отвернулся и сделал вид, что ничего не заметил, ублюдок*, думал он. *Потому что Питер скоро станет королем, а я навсегда останусь принцем*. Он подумал и о том, что Питер никогда не стал бы воровать вино из погреба, но эта мысль только добавила ему злости.

– Я только думал... – начал Питер.

– Думал, думал, – передразнил Томас. – Иди подумай о чем-нибудь другом. Если отец узнает, что ты платишь кравчему за его собственное вино, он со смеху лопнет.

Но Роланд не лопнул со смеху – напротив, он назвал Питера хорошим сыном, почти со слезами в голосе. Томас видел это, потому что следил за тем, как Питер в первый раз принес отцу вино. Следил через глаза дракона.

25

Если бы Флегга прямо спросили, зачем он показал Томасу это место и секретный ход к нему, он, пожалуй, и сам не смог бы ответить. Он не знал точно, *зачем* это сделал. Замок был очень стар, со множеством потайных дверей и ходов, и Флегг знал многие из них (все не знал никто, даже он), но Томасу показал только этот. Безошибочный инстинкт, который обычно подсказывает людям как поступать в том или ином случае, подсказал ему: «так будет хуже» – и Флегг подчинился. Ведь «хуже» было его целью и смыслом жизни.

Он взял за правило заглядывать в комнату Томаса и кричать: «Томми, что-то ты загрустил! Я хочу тебе кое-что показать. Пойдем посмотрим!» Он всегда говорил: *ты загрустил, Томми* или *что-то ты нос повесил, Томми*, потому что чуял, когда Томасу бывало особенно тоскливо, и приходил именно в эти моменты. Флегг знал, что Томас боится его, но знал и о том, что Томасу очень нужен друг, и он не будет особенно капризен в выборе. Флегг знал это, хотя Томас всегда прятал свой страх и позволял себе думать лишь, что Флегг отличный парень и любит пошутить... хотя шутки у него немного странные.

Вам кажется странным, что Флегг знал про Томаса что-то, чего не знал сам Томас? Но это не так уж странно. Душа человека, особенно ребенка, напоминает колодец – глубокий колодец с чистой водой. И когда какая-то мысль очень неприятна человеку, он прячет ее в ящик и бросает в колодец, на самое дно. Он слышит всплеск – и неприятной мысли как не бывало. Но она остается. Флегг, очень старый и очень умный, знал, что даже самый глубокий колодец имеет дно, и, если что-то исчезло с глаз, это не значит, что оно действительно исчезло. И он знал, что ящики, в которых заключены дурные мысли и чувства, гниют, и эта гниль может отравить всю воду и сделать человека безумным.

Если чародей иногда показывал Томасу страшные вещи, то лишь потому, что знал: чем больше Томас его боится, тем крепче его власть над мальчиком... Ему было хорошо известно: Томас слаб и очень одинок, и он хотел убедиться, что мальчик побросает на темное дно своей души достаточно ящиков с заключенными в них страхами. А если и сойдет с ума, когда станет королем, что с того? Так Флеггу будет только легче управлять им.

Каким образом Флегг узнавал, что Томасу плохо? Иногда он видел это в своем магическом кристалле, а чаще просто чувствовал своим инстинктом зла, о котором мы уже говорили и который никогда его не подводил.

Однажды он повел Томаса в восточную башню, на самый верх – они карабкались по ступенькам, пока Томас не стал задыхаться, хотя Флегг не проявлял никаких признаков усталости. Наверху была дверь, такая маленькая, что даже Томас еле протиснулся в нее. За дверью – комната, покрытая толстым слоем пыли, с одним-единственным окном. Флегг молча подвел его к окну, и перед Томасом открылся дивный вид – весь город, предместья и на горизонте голубые горы, за которыми лежал Восточный баронат. Он подумал, что это зрелище стоит любой боли в ногах, и повернулся, чтобы поблагодарить Флегга, но что-то в бледном лице чародея, как всегда, спрятанном под капюшоном, заставило его замолчать.

– А теперь посмотри на *это*. – Флегг поднял руку. Из кончика его указательного пальца вырвался луч голубоватого света, и сухой шелест в комнате, который Томас сначала принял за веяние ветра, превратился в хлопанье множества крыльев. Мгновение спустя Томас закричал и кинулся назад к двери, закрывая голову руками. Из этой комнаты открывался лучший вид на город, если не считать камеры на вершине Иглы, но теперь он понял, почему ее никто не посещал. Потолок комнаты сплошным слоем покрывали летучие мыши, и теперь, потревоженные светом, они с пронзительным писком бороздили воздух. Уже позже, когда они ушли, Флегг успокоил Томаса, который терпеть не мог летучих мышей, уверяя принца, что хотел только развеселить его. Томас поверил... но еще много недель спустя с криком просыпался от

кошмаров, в которых огромные летучие мыши парили над его головой, касаясь волос, а потом набрасывались и впивались когтями в лицо.

В другой раз Флегг отвел его в королевскую сокровищницу и показал штабеля золотых слитков, пирамиды золотых монет и сундуки с надписями «изумруды», «алмазы», «рубины» и так далее.

– И там действительно драгоценности? – спросил Томас.

– Посмотри сам. – Флегг открыл один из сундуков и достал оттуда пригоршню неограниченных изумрудов, которые осветили воздух зеленым блеском.

– О мой Бог! – выдохнул Томас.

– Это еще что! Ты взгляни сюда: пиратские сокровища!

Он показал Томасу груды сокровищ, отнятых у пиратов двадцать лет назад. Сокровищница королевства была богатой, ее служители не торопились, и эту часть поступлений еще не рассортировали. Томас горящими глазами смотрел на тяжелые мечи, кинжалы с лезвиями, инкрустированные алмазной крошкой, булавы с шипами из обсидиана.

– И все это принадлежит короне?

– Все это принадлежит твоему *отцу*, – поправил Флегг, хотя на самом-то деле был прав Томас. – А когда-нибудь будет принадлежать Питеру.

– И мне, – сказал Томас с простодушием десятилетнего мальчика.

– Нет, – Флегг постарался окрасить свой голос сожалением, – только Питеру. Он ведь старший и будет королем.

– Он поделится, – сказал Томас, но в эту реплику вкралась доля сомнения. – Пит *всегда* делится.

– Конечно, ты прав. Питер хороший мальчик и, *возможно*, поделится. Но никто *не заставит* его поделиться. Никто ведь не может *заставить* короля сделать то, чего он не желает. – Флегг взглянул на Томаса, чтобы убедиться, что тот понял, потом оглядел полутемную сокровищницу. Где-то рядом служитель монотонным голосом считал дукаты. – Столько сокровищ, и все одному. Есть над чем подумать, правда, Томми?

Томас ничего не сказал, но Флегг все равно был доволен. Он видел, что Томас задумался, а значит, еще один ящик с отравленным содержимым плюхнулся в колодец его души – *плюх!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.